
ИНТЕРЕСНЫЙ ДЕТЕКТИВ

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

И. ЛЮБЕНКО

**МАСКАРАД СО СМЕРТЬЮ
КРОВЬ НА ПАЛУБЕ
ТАЙНА ПЕРСИДСКОГО ОВОЗА
УБИЙСТВО НА ВОДАХ
ЧЕРНАЯ МАГНОЛИЯ
ЛИК НАД ПРОПАСТЬЮ
РОКОВАЯ ПАРТИЯ
ТЕНЬ АЗРАИЛА**

.....

В. ПОЛОНСКИЙ

**ЗАГАДКА ВЕРЫ ХОЛОДНОЙ
ГЛАВНАЯ РОЛЬ ВЕРЫ ХОЛОДНОЙ**

.....

А. ДОБРОВ

УКРАДЕННЫЙ ГОЛОС. ГИЛЯРОВСКИЙ И ШАЛЯПИН

• АНДРЕЙ •

ДОБРОВ

УКРАДЕННЫЙ ГОЛОС
ГИЛЯРОВСКИЙ И ШАЛЯКИН

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д55

Серийное оформление Петра Петрова

В оформлении коллажа на 1-й сторонке использованы репродукции картин:
В. Серов «Портрет артиста Ф.И. Шаляпина»
и С. Малютина (1915) «Король репортёров»

Добров, Андрей Станиславович.

Д55 Украденный голос. Гиляровский и Шаляпин : [роман] / Андрей Добров. – Москва : Издательство «Э», 2017. – 320 с. – (Интересный детектив. Ретро-оформление).

ISBN 978-5-699-97079-7

Конец XIX века, Москва. «Король репортеров» Владимир Гиляровский знакомится с молодым, но уже знаменитым оперным певцом Федором Шаляпиным, который совсем недавно получил роль в опере «Борис Годунов». Чтобы лучше понять своего героя, Шаляпин, загримированный под беглого каторжанина, уговаривает Гиляровского спуститься в ад ночной Хитровки и отыскать настоящего детоубийцу! По наводке местного шарманщика они обнаруживают труп мальчика, которому была сделана операция на связках! Удастся ли приятелям не только отыскать сумасшедшего хирурга в хитровских подземных лабиринтах, но и остаться в живых?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97079-7

© Добров А., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

• **ВСТУПЛЕНИЕ** •

При написании этой книги я жадно пил из своего главного источника – сочинений Владимира Алексеевича Гиляровского. Так что авторство текста принадлежит не только мне, но и ему. Впрочем, делая Гиляровского одним из главных героев книги, обойтись без его великолепных рассказов практически невозможно. Что же касается моего второго героя, Федора Ивановича Шаляпина, то я благодарен за информацию о нем как хранителям Дома-музея Шаляпина в Москве, которые трепетно сохраняют память о певце, так и великолепным воспоминаниям Константина Коровина.

Моя книга – никак не исторический труд. Почти вся она вымышлена, за исключением тех описаний и подробностей, которые я почерпнул из своих источников. Все события условно происходят осенью 1897 года, когда Шаляпин из неизвестного

многообещающего певца начал стремительно превращаться в звезду мирового уровня.

Пусть простят меня потомки как Гиляровского, так и Шаляпина за то, что я использовал их имена в этой книге. Я сделал это исключительно из желания возбудить в молодой читающей публике России интерес к этим великим именам. И если, прочитав об их вымышленных приключениях, эта публика захочет подробнее узнать о настоящем творческом пути двух русских великанов, я буду только счастлив. Надеюсь, это извинит меня в глазах потомков героев моей книги. Видит Бог, я писал о них с благоговением!

Также я с благодарностью использовал труды доктора Вересаева, Г.В. Андреевского, А. Кокорева и В. Руги, черпая из них детали быта конца XIX века Москвы.

*С уважением,
Андрей Добров*

СУЛХАНОВСКИЕ ШАШЛЫКИ

— Владимир Алексеевич! Гиляровский! Пойдите!

Неподалеку от меня остановился извозчик — в коляске стоял и смотрел в мою сторону высокий молодой человек в хорошем коверкотовом пальто и без шляпы. Увидев, что я откликнулся на его призыв, он помахал мне рукой в коричневой лосиной перчатке.

— Владимир Алексеевич! Здравствуйте! Можно вас?

Секунду я всматривался в его лицо, показавшееся мне поразительно знакомым. И наконец вспомнил — певец Шаляпин! Но мы даже не были представлены друг другу. Что ему от меня нужно?

— Залезайте ко мне! Пожалуйста!

Я пошел к пролетке. Шаляпин протянул мне руку и помог взобраться. Усевшись напротив, я поздоровался.

— А я вас искал в редакции, — весело произнес Шаляпин. — Как раз оттуда теперь. И вот — на ловца и зверь бежит! — Он рассмеялся.

— Что же вы мне не оставили записки? — спросил я. — Сам бы пришел к вам.

Шаляпин сделал загадочные глаза.

— Не хотел, чтобы узнали, — произнес он, наклоняясь ко мне. — Дело щекотливое. А вы спешите, Владимир Алексеевич?

— Нет.

— Может, перекусим?

— С удовольствием!

— В «Эрмитаж»? Хотя... Нет! Поедьте в «Петергоф» к Разживину! У него открылась шашлычная кухня. Я к шашлыкам в Тифлисе привык, а в Москве их почти не найти!

— О! Федор... простите, не помню как по ба-
тюшке...

— Иваныч.

— Федор Иванович! Шашлыки в Москве — это целая криминальная история. Я вам потом расскажу.

— Прекрасно! Едем!

Шаляпин легонько ткнул извозчика в толстый, на ватине, армяк, оклеенный рекламными марками «Никитинского чая», и приказал:

— Давай-ка в «Петергоф»!

Извозчик на углу притормозил, пропуская встречные экипажи, а потом повернул влево. Вскоре показался и ресторан. Однако весь тротуар у него был занят — экипажи стояли сплошь против указа генерал-губернатора — не вдоль панели, а под углом, елочкой, отчего половина улицы оказалась непроезжей. Пока наш «легковой», ругаясь, медленно двигался в поисках свободного местечка, Федор Иванович болтал о всякой чепухе — о разнице погоды между Тифлисом, Нижним и Москвой, умалчивая, однако, о предмете того разговора, ради которого он меня искал.

— Отчего бы нам было просто не выйти у парадного? — спросил я. — Теперь вам придется полквартала возвращаться.

— Ничего, — ответил Шаляпин. — Пусть так. Не хочу отпускать извозчика. Мне сегодня целый день мотаться. Я уж вперед заплатил.

Да уж, подумал я про себя, мне с моими репортерскими гонорарами и привычками такое даже в голову не пришло бы — сколько же Шаляпин отстегнул «легковому»? Рублей тридцать — не меньше!

Швейцар, определив в нас кредитоспособных господ, распахнул дверь ресторана. Там уже подскочил гардеробщик, принимая пальто. Сунув латунный номерок в карман серых брюк, Шаляпин, отодвинув бордовую тяжелую гардину, вперед меня прошел в зал. Тут же со своего места сорвался метрдотель — узнал певца. Шаляпин хоть и выступал в Частной опере Мамонтова без году неделя, однако уже успел прогреметь на всю Москву.

— Господа-с! Какая честь для нашего заведения-с! Прошу — вам в кабинет или в общий зал-с? — запримечтал он подобострастно, глядя снизу, что было несложно, учитывая рост как Шаляпина, так и вашего слуги.

— Давай в кабинет! — приказал Шаляпин.

Кабинет оказался всего-навсего нишей, огороженной высокой деревянной ширмой китайских мотивов. Шаляпин сделал заказ. Под шашлыки он заказал вина, которое тут же принесли с легкой овощной закуской и свежими лепешками, испеченными с сыром.

— А знаете, Владимир Алексеевич, — сказал Шаляпин, наливая мне из запотевшего глиняного кувшина темно-красное вино в стакан, — мы же с вами коллеги!

— По артистической линии? — спросил я.

— Нет, — улыбнулся певец.

А потом он негромко запел:

Укачала-уваляла,
Нашей силушки не стало.
О-о-ох... О-о-о-х!
Ухнем да ухнем! У-у-ух!
Не заса-а-аривай!

«Не может быть!» — подумал я, откуда этот молодой парень в хорошем пальто знает эту песню, песню моей рабочей молодости, когда я тянул бечевой расшивы по Волге с бурлаками?

— В Самаре случилось мне крючником поработать. Конечно, не «батырем», но и не «засыпкой». Арбузы мы грузили, — рассказывал Шаляпин, — ох и умаялся я по первости! Так бы и остался с крючниками, да в Казани опоздал на свой пароход — пришлось в стряпчие идти.

— В Самаре?! — воскликнул я. — Так ведь и я в Самаре крючником был!

— Ну! Я читал! — улыбнулся широко Шаляпин.

— И что, — жадно спросил я, — там до сих пор «батыри» ходят в красных жилетах с золотым галуном?

Шаляпин отрицательно помотал головой:

— Не видал.

Да! Как удивительно бросает нас судьба, подумал я, кто бы мог подумать, что через восемнадцать лет после меня в Самаре крючником найдется другой молодой здоровяк — Федя Шаляпин!

— Ну так за это надо нам выпить! — сказал я, поднимая свой стакан с терпким грузинским вином.

Мы чокнулись и выпили до дна. Я закусил длинным усом зеленого лука. Тут подспели и шашлыки. Сам Сулханов на вытянутых руках принес тяжелый серебряный поднос с шампурами, на которые были насажены разнообразные куски жареного мяса. Шаляпин взял один шампур с белыми кусочками, переложенными ломтиками ароматного сала, и счистил их ножом на мою тарелку.

— Вот, попробуйте!

Я подцепил кусочек мягкого белого мяса и отправил себе в рот.

— Ну как?

— По вкусу похоже на яйцо. Только мясное.

Шаляпин захохотал. Сулханов тоже заулыбался и покивал головой.

— А это оно и есть! — сказал Шаляпин.

— Вы имеете в виду...

— Баранье.

— А! Ну уж этим меня не смутить! — возразил я, подцепляя на вилку новый кусочек. — Я табуны гонял. А конюхи, когда жеребца холостят, по старой традиции его яйца тут же на сковородочке жарят.

Сулханов поклонился и сказал:

— Этот шашлык самый полезный для джигит. Кушай — женщина довольна будет. Спасибо утром скажет!

С этим он снова поклонился, осмотрел наш стол — не нужно ли еще чего, и ушел за ширму.

— А теперь к делу, — сказал Шаляпин — Владимир Алексеевич, есть у меня просьбишка к вам. Не откажите.

— Коллеге отказа не будет! — засмеялся я.

— После «Псковитянки», которую приняли очень даже неплохо...

Шаляпин сделал паузу и смешно подвигал бровями — уж конечно, чтобы показать, что его Грозного в «Псковитянке» приняли восторженно и заговорили об огромном таланте певца именно после этой оперы. Впрочем, и о его скандальном поведении.

— Иван Саввич, дай бог ему здоровья, предложил поставить «Бориса Годунова». Бориса, понят-

но, пою я. Спектакль, прямо скажу, с несчастной судьбой. В Мариинке его критики приняли плохо и постановку сняли. А ведь это настоящий Шекспир! Наш русский Шекспир!

— Пушкин! — ответил я, наваливая на тарелку новую порцию шашлыка и заваливая его зеленью.

— Пушкин, конечно, — кивнул горячо Шаляпин. — Но, правда, Мусоргский показался тяжело ват... Да... А вот Николай Андреевич Римский-Корсаков нынче переписал партитуру. Чудесно! Да и потом — в Мариинке не было меня! Вот и весь сказ! А теперь — вот где у меня будет публика!

Он схватил пучок петрушки и сжал его в кулачище.

Я улыбнулся — похоже, что молодому Шаляпину его успех в Москве сильно ударил в голову. Впрочем, судя по восторгам, а особенно по проклятиям, бурлившим вокруг него, талант певца был действительно неординарным. Я за своей службой в «Русских ведомостях» так ни разу и не сходил в Частную оперу на Шаляпина, хотя друзья и звали.

— Послушайте, Владимир Алексеевич! Я на прошлой неделе ездил в Ярославскую губернию. Знаете, к кому?

— Ну?

— К Василию Осиповичу Ключевскому! Какой это замечательный старик! Какой глубокий знаток эпохи! Мы гуляли по лесу, а он мне в лицах! В лицах пересказывал диалоги между Годуновым и Шуйским, как будто сам сидел в уголке и все за ними записывал!

— К Ключевскому? — удивился я. — Зачем?

— Ах! — досадливо махнул рукой Шаляпин. Я заметил, что с каждым стаканом вина с него слетала некоторая скованность первого знакомства. И как будто разница в восемнадцать лет между нами таяла, как порции шашлыка на серебряном подносе. И, признаюсь, мне это нравилось. Я чувствовал, что это не он приближается к моему возрасту, а я — к его. В конце концов, оба мы были из простых, из низов. Всего добились сами. И уж не последнюю роль в этой быстрой, стремительной близости сыграло, конечно, признание Шаляпина в том, что мы были с ним «коллегами».

— Поймите! — сказал Шаляпин. — Ведь это важно! Вот смотрите...

Но договорить ему не дала фигура, шагнувшая из-за ширмы. Я смотрел на Шаляпина и поэтому сперва подумал, что это Сулханов вернулся с добавками, но оказалось, что это был не он. Какой-то